Митина Наталья Георгиевна

ЯЗЫК УТОПИИ А. ПЛАТОНОВА

Статья раскрывает специфику языка утопии, созданной А. Платоновым. В процессе исследования были выделены смысловые значения слова у Платонова: слово – вещь, слово – идея (образ), слово – грамматическая форма; определены особенности его текста, участвующие в создании общества "душевных бедняков". Автор приходит к выводу, что язык, созданный философом, непосредственно участвует в создании идеального мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 142-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 167.5
Философские науки

Статья раскрывает специфику языка утопии, созданной А. Платоновым. В процессе исследования были выделены смысловые значения слова у Платонова: слово – вещь, слово – идея (образ), слово – грамматическая форма; определены особенности его текста, участвующие в создании общества «душевных бедняков». Автор приходит к выводу, что язык, созданный философом, непосредственно участвует в создании идеального мира.

Ключевые слова и фразы: утопия; язык; идеал; жизненный мир; проект.

Митина Наталья Георгиевна, к. филос. н., доцент
Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского
Millkonf@yandex.ru

ЯЗЫК УТОПИИ А. ПЛАТОНОВА©

Ключевым элементом проекта Платонова является язык. Он играет важную роль в процессе формирования повседневности. Язык выполняет здесь не только функцию обозначения, но и непосредственно участвует в создании идеальной предметности. В. А. Подорога отмечает, что платоновский язык «отнимает у нас привычную веру в реальность», является языком «*невозможного*» [14, с. 283]. Философу удалось создать свой специфичный язык – язык утопии. Это отличает его проект от других утопий.

Мы можем выделить три смысловых значения слова у Платонова: слово – вещь, слово – идея (образ), слово – грамматическая форма. Как «вещь» – слово отсылает к некоторой реальности, связанной с рабочей средой. Являясь частью этой среды, выходцем из нее, он смог передать ее особенности, выступая изнутри вещного рабочего мира, соединил слово и вещь.

Эффект неповторимости создают особенности его текста: паузы (многоточие, тире), неправильное письмо. Это приемы, с помощью которых философ выражает общество «душевных бедняков». Герои Платонова постоянно тоскуют и томятся, смутно ощущая кризис духовных ценностей, и эта тоска заменяется у них душевностью, слиянием душ. Но, являясь «душевными бедняками», они не могут осмыслить свое состояние, свою бездуховность. Для осмысления необходим язык культуры, а их язык беден, это язык их повседневности: «жамки», «жердь», «калечные», «вникай молча» [7; 12; 13].

Отсутствие рефлексии по этому миру бедноты усиливает драматизм данного состояния. Душевные бедняки представляют собой мир запустения, мир бегства от мира и не ощущают его потери. Эти черты отражает язык, создавая предметную реальность – тактильную ткань мира. Язык передает скученность грязных тел, превращенных новой жизнью в *zoé* (означает факт жизни, общий для всех живых существ), термин, используемый Дж. Агамбеном для определения голой жизни, тела *homo sacer* (преступник, дурной, бесчестный, нечестивый человек), он определяет этим термином находящихся в лагерях, гетто жертв холокоста, подлежащих убийству, отверженных. Он отмечает особенное значение обнаженности жизни *homo sacer* и подчеркивает: «Голая жизнь – объект осуществляемого суверенной властью насилия…» [1, с. 148-149]. В утопии Платонова тело также теряет культурные и социальные признаки, превращаясь в обезличенную массу странных людей – душевных бедняков.

Мир тел *zoé* выражен философом в вещественном языке, что невозможно сделать из мира культуры. Платонов, являясь выходцем из рабочей среды, интеллигентом из рабочих (был сыном машиниста паровоза и сам помощником машиниста), создает язык из этой среды. Он понизил уровень цивилизации тел *zoé*, и язык рассказывает об этом как о повседневности. Это жизненный мир его утопии.

Второе смысловое значение слова – слово – идея (образ). В утопии Платонова можно выделить следующие идеи (образы): образ Невесты (в ранних произведениях), образ Солнца, образ Паровоза, образ Земли. Образ Невесты у философа олицетворяет собой идеальное общество целомудренных индивидов, царство духа. «Невестой» намерены назвать жители утопический город Новая Суржа, устроенный «новой земной нацией большевиков» [9, с. 63, 65]. Невестой Платонов называет и невозможное: «Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть. Невозможное – невеста человечества, и к невозможному летят наши души… Невозможное – граница нашего мира с другим» [6, с. 534]. Таким образом, «невеста» – это утопия, это то, к чему надо стремиться, но чего достичь невозможно.

Образ Солнца является одним из символов эпохи Серебряного века. Например, в произведениях К. Д. Бальмонта солнце является символом гармонии поэта с миром, символом беззаботности: «Я въ этот мiр пришелъ, чтоб видѣть Солнце… Я буду пѣть о Солнцѣ…». «Будем как Солнце!» – восклицает поэт [2, с. 1-2]. В. Маяковский, наоборот, обвиняет Солнце в беззаботности и праздности, противопоставляя ему свой труд поэта и художника: «Я крикнул солнцу: ―Дармоед!”» [5, с. 36].

Возможно, Платонов был знаком с символикой футуристов, но в утопии Платонова и других его произведениях смысловая нагрузка образа Солнца меняется. Он желает приручить Солнце и сделать его вечным

© Митина Н. Г., 2013

работником, который будет работать за всех, освободив от труда его душевных бедняков. Труд относится к числу вещей, ненужных в новом обществе, так как для всех его членов он «раз навсегда объявлялся пережитком жадности и эксплуатационно-животным сладострастием, потому что труд способствует происхождению имущества, а имущество – угнетению…» [13, с. 110]. В новом созидаемом рае единственный работник – это солнце, объявленное в коммуне Чевенгура «всемирным пролетарием». Обезличивание людей и реализация равенства в виде распределения бедности между представителями коммуны являются основными принципами ее повседневной жизни. В коммуне человек ничто, винтик, часть коллектива. Р. Жерар в своем исследовании мира «подполья» Ф. Достоевского приходит к выводу, что «подпольная психология сама по себе всегда стремится к стабильным и жестким структурам» [4, с. 81]. И в утопии Платонова во имя общего блага в действие приводится лозунг: «Где организация, там всегда думает не более одного человека, а остальные живут порожняком и вслед одному первому. Организация – умнейшее дело: все себя знают, а никто себя не имеет» [13, с. 213]. Уничтожение личности, стирание индивидуальных различий в обществе, создаваемом по схеме марксистской теории диктатуры пролетариата, неизбежны.

Диктатура не терпит многомыслия. «Лучше будет уменьшать постепенно человека, а он притерпится: ему и так все равно страдать». С этой целью и организовано в Чевенгуре «второе пришествие», уничтожающее чуждые элементы и очищающее пространство для «коммунистического рая» – казарменного социализма. Здесь Масса приравнивается Мегамашине и в революционном порыве «рождается новое социо-антропоморфное образование: масса машинная и машинизированная». Это образец «*анти-производительности*», приходит к выводу В. Подорога [14, с. 341]. Таким образом, мы получаем не рабочих-созидателей, а массу – разрушающую, истощающую все ресурсы. Процесс превращения в массу осуществляется с помощью языка власти – приказа – средства власти, которое, подчеркивает Э. Юнгер, позволяет создать и сплотить массу, «указывать цели достойные жертвы» [17, с. 136]. Следовательно, уничтожение труда является подтверждением деструктивного характера социального тела, на которое спроецирован марксистский проект, и доказывает несостоятельность данного проекта в связи с отсутствием в нем позитивной программы, направленной на созидание.

Символика Солнца у Платонова отражает сущность пролетарской утопии, что отличает его от авторов-символистов. Так, если для духовно развитого человека (К. Бальмонт, В. Маяковский) труд выступает как составляющая творческой деятельности, то для душевных чевенгурцев и их создателя – труд – символ насилия и принуждения, от которого надо освободиться. Следовательно, в осмыслении образа Солнца Платонов проявляется как пролетарий. Он вместе со своими душевными бедняками готов освободиться от труда для того, чтобы он не мешал им грезить наяву. Эти грезы присутствуют в утопии: образ женщины не для всех – Розы Люксембург, образ Клавдюши. В исследовании «подполья» Р. Жерар характеризует данное состояние человека «дна»: «В своих одиноких мечтах герой без труда возносится до седьмого неба, никакое препятствие не может его остановить… Но мечта <…> безумна, и ее воплощение невозможно» [4, с. 34-35].

Остановимся еще на одном образе платоновской утопии – Паровозе. Образ Машины (Паровоза) характерен для этой эпохи, на это указывает В. Подорога: «*В центре европейского и русского авангарда – Великая Машина в своих самых различных ипостасях…, авангард принял машину как род новой, высшей Реальности*» [14, с. 241]. Как и Солнце, Паровозы Платонова готовы работать на светлое будущее, но если Солнце одно, то Паровозов много, и они будут работать на дело коммунизма.

В утопии Платонова Паровоз является символом эпохи, символом Революции, который ведет душевных бедняков вперед – к коммунизму. Паровоз как символ прогресса и одна из ценностей утопического проекта сравнивается с женщиной. М. Желнина отмечает эту особенность философии А. Платонова: «Паровоз и женщина уравниваются функционально – паровоз, как и женская утроба, дают новую жизнь, но женщина рождает биологическую смертную особь, а паровоз, езда в паровозе, катастрофа есть перерождение духовное, рождение сознательного человека» [3]. Фантастические машины философа, считает В. Подорога, должны «*захватить будущее и опрокинуть его одним броском в настоящее, предъявить как данное*». И такой бросок в будущее способна сделать только машина, только она может вернуть будущее человечества [14, с. 247-275]. Противопоставление женщины и машины является принципиально важным для философа. С помощью такого странного сравнения Платонов обосновывает необходимость преодоления личностного во имя общего дела – коммунизма. Таким образом, Паровоз выступает как символ насилия над личностью, уничтожения природного начала и предательства, поскольку не обеспечивает желаемое будущее.

У Платонова идея Паровоза (Машины) проходит через многие произведения и выступает «поставом», который, по определению М. Хайдеггера, является способом раскрытия потаенного: «Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава» [15, с. 229-231]. Постав представляет собой опасность, так как «человеческое существо падает теперь прямо в руки существу техники» [16, с. 253]. Платонов осознает такую опасность в романе «Счастливая Москва», где у него природное начало – любовь – одерживает победу над разумом – техникой.

Земля – это еще один образ (идея), используемый философом во многих его работах. Образ рождающей стихии Земли трактуется в утопии как символ материнства и отношений между полами. Прикосновения к ней персонажей романа выглядят как символический сексуальный контакт [11, с. 22-25; 13, с. 159, 246-247, 304]. Земляная пещера-могила ассоциируется в работах Платонова с материнским лоном, в котором стремится укрыться от одиночества несчастный индивид. Близость к земле приносит покой, тождественный смерти. В рассказе «Неодушевленный враг» уход в лоно земли (котлован) символизирует смерть, и выход из него –

новое рождение [7; 8; 13, с. 41-43]. Рождение и смерть равны в платоновском понимании, а земля дарует и то и другое каждому, кто стремится жить или умереть.

Попытку Платонова понять тайну рождения и смерти можно рассматривать как стремление показать родство людей и природы через стихию земли, подчеркнуть ее рождающий характер, а значит, понять «загадку» женского. В. Подорога приходит к выводу, что чувство смерти стимулирует желание, а поскольку все персонажи Платонова связаны родственными узами (братья и сестры), то смерть для них является наказанием за инцест. Он подчеркивает, что важным элементом телесного является язык, который выступает здесь как перформативный, так как не только называет действия и события, но и совершает их [14, с. 282-287]. Таким образом, в формировании повседневности языку отводится особая роль, он конструирует символические представления о телесности.

Третьим смысловым значением слова у Платонова является слово – грамматическая форма. Слово как аграмматизм – искажение слова, нарушение правил грамматики. Например: «я могу цельным масштабом руководить», «организация – умнейшее дело», «чем-нибудь небывшим и драгоценным», «ему ништо нипочем», «дурик», «вследствие тяжелой медицинской усталости ораторов» [10, с. 12, 13; 13, с. 130, 213, 242] и т.д. Это язык пролетариата, который Платонов, являясь выходцем из рабочей среды, смог воспроизвести в своей утопии, соединив его с языком революционной эпохи: коммуна «Дружба бедняка», «текущий момент», «СМЕРТЬ БУРЖУЯМ», «ревзаповедник» [13, с. 338, 339, 348, 350] и др. Это язык созданной Платоновым повседневности, язык утопии, утопии душевных бедняков.

Следовательно, язык выполняет важную функцию в проекте А. Платонова. Способность языка к сохранению значений жизненного опыта и выхода за пределы реальности «здесь-и-сейчас» позволяет ему соединить зоны реальности и интегрировать их в единое смысловое поле и таким образом перемещать отвлеченную реальность в реальность повседневной жизни. Язык участвует в создании иллюзорной реальности утопии, проявляется в трансформациях, которым постоянно подвергается ее пространство. Язык, созданный философом, позволяет ему отразить специфику утопии как социокультурного явления.

Список литературы

1. **Агамбен Дж.** Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. **Бальмонтъ К. Д.** Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. М.: Книгоиздательство «Скорпіонъ», 1903. 290 с.
3. **Желнина (Левченко) М.** Паровозы в прозе Андрея Платонова [Электронный ресурс]. URL: http://proletcult.narod.ru/platonov.htm (дата обращения: 01.05.05).
4. **Жерар Р.** Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. М.: Изд-во ВВИ, 2013. 162 с.
5. **Маяковский В.** Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче // Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Гос. издат. худож. лит-ры, 1956. Т. 2. С. 35-38.
6. **Платонов А.** Из писем к жене // Платонов А. П. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Советская Россия, 1985. Т. 3. С. 531-540.
7. **Платонов А.** Котлован [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.de/pdf/platonov_kotlovan.pdf (дата обращения: 17.01.05).
8. **Платонов А.** Неодушевленный враг // Платонов А. П. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Советская Россия, 1985. Т. 3. С. 59-68.
9. **Платонов А.** Рассказ о многих интересных вещах [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/platonov_rasskazy_tom6.pdf (дата обращения: 17.01.05).
10. **Платонов А.** Сокровенный человек [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.de/pdf/platonov_sokrovennyj_chelovek.pdf (дата обращения: 17.01.05).
11. **Платонов А.** Счастливая Москва [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.de/pdf/platonov_schastlivaja_moskva.pdf (дата обращения: 17.01.05).
12. **Платонов А.** Усомнившийся Макар // Часть речи: альманах литературы и искусства. Нью-Йорк: Серебряный век, 1981-1982. № 2-3. С. 124-143.
13. **Платонов А.** Чевенгур. М.: Сов. Россия, 1989. 384 с.
14. **Подорога В. А.** Книга четвертая. Евнух души // Мимесис: материалы по аналитической антропологии литературы: в 2-х т. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2. Ч. 1. Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. С. 239-421.
15. **Хайдеггер М.** Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
16. **Хайдеггер М.** Поворот // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 253-258.
17. **Юнгер Э.** Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 55-440.

LANGUAGE OF A. PLATONOV'S UTOPIA

Mitina Natal'ya Georgievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoi
Millkonf@yandex.ru

The article reveals the language specificity of epy utopia created by A. Platonov. In the course of the study the following Platonov's word meanings are distinguished: word – thing, word – idea (image), word – grammatical form; and the features of his text involved in the creation of ~~s~~oul poor men" society are determined. The author comes to the conclusion that the language, created by the philosopher, is directly involved in the creation of the ideal world.

Key words and phrases: utopia; language; ideal; life world; project.